

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/98/13

Рецепция оды Горация (Carm. I 1) в цикле С.А. Завьялова «Эпиграфы»

Софья Юрьевна Суханова¹, Маргарита Викторовна Негрей²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *suhanova_sofya@mail.ru*

² *margarita.negrey@yandex.ru*

Аннотация. Исследуются художественные функции цитат Горация в цикле С.А. Завьялова «Эпиграфы». Выявляются причины обращения к оде Горация «К Мекенату» (Ног. Carm. I 1), своеобразие авторской интерпретации и характер использования интертекста, устанавливается их связь с эстетикой С.А. Завьялова, его представлениями о природе и предназначении поэзии в человеческой культуре, судьбе классического наследия в современном мире и роли поэта.

Ключевые слова: Гораций, Сергей Завьялов, рецепция, интертекст, цитата, римская поэзия, русская поэзия

Для цитирования: Суханова С.Ю., Негрей М.В. Рецепция оды Горация (Carm. I 1) в цикле С. А. Завьялова «Эпиграфы» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 98. С. 235–245. doi: 10.17223/19986645/98/13

Original article
doi: 10.17223/19986645/98/13

Reception of Horace's ode (Carm. I 1) in Sergei Zavyalov's cycle *Epigraphs*

Sofya Yu. Sukhanova¹, Margarita V. Negrey²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *suhanova_sofya@mail.ru*

² *margarita.negrey@yandex.ru*

Abstract. The article investigates the artistic functions of Horace's quotations in Sergei Zavyalov's cycle *Epigraphs*. Zavyalov, in his poetry, essays and scientific works, comprehends the work of a wide range of predecessors – representatives of Russian and foreign literature. Already in the first book, fixing the metapoetic position of the lyrical subject, in addition to many other "voices", the subject of the lyrical subject's relationship to ancient poetry and – more broadly – culture becomes central. A special place in Zavyalov's work belongs to the reception of Horace's heritage. The comprehension of Horace's poetry becomes the subject of depiction and reflection not only in individual poems, but also in several cycles. Zavyalov pays close attention to Horace's translations; in 2022 a collection of his authorial translations *Horace's Odes*

and *Epodes*, on which he worked for forty years, was published. In 2023 a translation was published with commentaries on the Roman odes of Horace. The reasons for the reference to Horace's ode "To Maecenas" (Hor. Carm. I 1), the peculiarity of the author's interpretation and the nature of the use of intertext are revealed; their connection is established with Zavyalov's aesthetics, his ideas about the purpose of poetry in human culture, the fate of the classical heritage in the modern world, and the role of the poet. The aim of this article is to analyse the Horatian text in Zavyalov's *Epigraphs* cycle (1993–1995), which was included in two books with the same title *Melika*, published in 2003 and 2017. Quotations from the ode "To Maecenas" (Hor. Carm. I 1) are in two poems of the cycle, "Statue in the Park" and "Ἐπίλογος". In the poem "Statue in the Park" the appeal to tradition becomes an independent subject of Zavyalov. The lyrical subject of the poet in the situation of social and humanitarian catastrophe turns to the classical examples of world poetry, subjecting them to poetic reflection. Zavyalov's ode is both praise of the muse and a plea to her for the possibility of a song, it is the song itself, but frozen in a new world hostile to poetry. The quotation from Horace is necessary as the beginning of the lyrical plot of the poem "Ἐπίλογος" because the plot itself is connected with the comprehension of the process of creating a poem, which appears as a unity of imagination and poetic language, conscious and unconscious, ontological and existential. The heroes (actants) of this process are Polyhymnia (metaphysical source of inspiration), pauses, clauses, harmony (rhythmic pattern and poetic language), Jupiter (ontological law), consciousness of the lyrical subject, and culture. Thus, in the cycle *Epigraphs* the quotations from Horace's odes, the meanings of which are woven into the semantic pattern of Zavyalov's odes, fulfil various functions. In the poem "Statue in the Park", the lyrical situation is organised as a meeting between a contemporary poet and his muse in a situation of crisis of classical culture. The epigraph from Horace embodies the author's idea of the possibility of high art in a world hostile to poetry, when returning to the meanings of the original sources. In the poem "Ἐπίλογος", the quotation from Horace becomes the beginning of the lyrical plot and is necessary as an appeal to an authoritative interlocutor in the process of reflection on the act of creation. The heroes of this plot are ontological and metaphysical forces (Jupiter, Polyhymnia, poetic language, the text of culture). Citation becomes for the consciousness of the lyrical self a way of incorporating tradition into the context of modernity and appears as an act of recognising the immortality of poetry as a form of proper human existence.

Keywords: Horace, Sergei Zavyalov, reception, intertext, quotation, Roman poetry, Russian poetry

For citation: Sukhanova, S.Yu. & Negrey, M.V. (2025) Reception of Horace's ode (Carm. I 1) in Sergei Zavyalov's cycle *Epigraphs*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 235–245. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/98/13

С.А. Завьялов в поэзии, эссеистике и научных работах осмысляет творчество широкого круга предшественников – представителей русской и зарубежной литературы. Уже в первой книге, фиксирующей метапоэтическую позицию лирического субъекта, помимо множества других «голосов», центральным становится сюжет отношения лирического субъекта к античной поэзии и – шире – культуре. Особое место в его творчестве принадлежит рецепции наследия Горация. Осмысление поэзии Горация становится предметом изображения и рефлексии не только в отдельных стихотворениях, но

и в нескольких циклах. Переводам Горация С.А. Завьялов уделяет пристальное внимание. В 2022 г. вышел сборник его авторских переводов «Оды и эподы Горация», над которым он работал в течение сорока лет. В 2023 г. был опубликован перевод с комментариями к римским одам Горация [1].

Рецепция наследия Горация занимает объемную часть в творчестве С.А. Завьялова, из всего корпуса текстов римского поэта С.А. Завьялов цитирует только оды, причем их выбор предельно важен, поскольку эксплицитно цитируются только 16 од из 113¹. Хотя Гораций чаще всего цитируется точно в оригинале с указанием книги од, номера оды и стихотворных строк, а также с собственным переводом, однако этот список можно дополнить многочисленными неточными цитатами, аллюзиями и реминисценциями и на другие оды.

Цель данной работы – проанализировать гораццианский текст в цикле С.А. Завьялова «Эпиграфы» (1993–1995), который входит в книги с одинаковым названием – «Мелика», изданные в 2003 и 2017 гг. «Мелика» 2003 г. состоит из двух книг. Первая книга, куда вошли стихотворения 1984–1990-х гг., представляет собой шесть циклов. С.А. Завьялов отмечал, что первая книга является «сокращенным переизданием вышедшей в 1994 году... книги “Оды и эподы”» [2]. Вторая состоит из двенадцати циклов и делится на две части: «...первая часть (Pars prior), – писал С.А. Завьялов, – является точным воспроизведением первого издания, вышедшего в 1998 году... Вторая часть (Altera pars) включает стихотворные циклы, написанные в 1998–2003 годах...» [2].

Цикл «Эпиграфы» открывает вторую книгу «Мелики». Традиционный эпиграф присутствует не во всех стихотворениях (только в «Corvus Corvus», «Tristia», «Статуя в парке»). В стихотворениях «На тему Рицоса», «Эномай молится Гелиосу», «Геракл у Омфалы», «Младший сын Лаокоона», «Сцена из Менандра», «Ultimi Geloni», «Северная Фиваида» эпиграф находится в конце. Цитаты в цикле помещаются как в паратекст (причем в позициях и перед текстом, и после текста), так и в текст. «Мы привыкли к переносному, позднему значению слова “эпиграф” – нечто такое, что выведено в начале... Каждая цитата как раз завершает стихотворение, то есть постепенно мой текст как бы переходит в цитату»². Эпиграфы для него, помимо традиционного понимания, это надписи, посвященные поэтам, драматургам, историкам, и Гораций находится в ряду других античных авторов, творчество которых представлялось С.А. Завьялову наиболее значимым (С.А. Завьялов в этом цикле обращается к Пиндару, Овидию, Менандру, Еврипиду, Геродоту).

¹ В сборнике «Оды и эподы» (2022) цитируется из первой книги од 17-я, из второй – 14-я, из третьей – 30-я, из четвертой – 1-я и 12-я. В сборнике «Мелика» (1998) из первой книги цитируются 1 (2), 13, 22, 24-я; из второй – 3–4-я (1 стихотворение, 2 оды Горация), 14, 16, 18, 20-я (3), из третьей – 30-я (2).

² Из стенограммы устного выступления, опубликованной в материалах дискуссии: Поэзия и poesis. СПб. : Borey-Art-Center, 1996. Цит. по [3].

Цитаты из од Горация есть в трех стихотворениях цикла – в названии («Ultimi Geloni»), эпитафие («Статуя в парке», «Эпилог») и в тексте («Эпилог»).

Рефлексия о поэтическом бессмертии разворачивается в стихотворении «Ultimi Geloni» (дальние гелоны): обращение к Горацию в стихотворении С.А. Завьялова принципиально¹. В оде, цитата из которой становится заглавием стихотворения С.А. Завьялова, Гораций рассуждает о возможности поэтического бессмертия, он уверен в своей посмертной славе – даже дальние гелоны узнают его поэзию: «me... et ultimi / noscent Geloni» (Hor. Carm. II 20) [5. P. 64] «меня дальние узнают гелоны». Упоминание гелонов у римского поэта становится для лирического сознания стихотворения современного поэта подтверждением их важной роли в истории.

Следующее стихотворение цикла, в котором цитируется Гораций – «Статуя в парке», эпитафием к которому является фрагмент из оды «К Меценату» (Hor. Carm. I 1), данный в оригинале: «nec Polyhymnia / Lesboum refugit tendere barbiton» [5. P. 2], и С.А. Завьялов предлагает свой перевод: «и Полигимния / не откажется настроить лесбийский барбитон» [2]. Необходимость эпитафии на языке оригинала и его авторский перевод продиктованы потребностью подчеркнуть как значимость для С.А. Завьялова утверждаемых оригиналом ценностей, так и важность своей индивидуальной интерпретации смысла первоисточника.

Лирический сюжет оды Горация – размышления о типах существования и формах самореализации в мире, которое рождает у человека ощущение счастья как высшую форму наслаждения жизнью. От самых ранних эподов и сатир до последних книг од и посланий римский поэт постоянно над этим размышляет, поскольку для него это связано с мыслями о предназначении и смысле жизни. В этой оде поэт использует прием – прием перечисления ряда вариантов, которые сопоставляются и противопоставляются в теме стихотворения, окончательно формулируемой лишь в кульминации².

Гораций изображает амбиции своих современников: олимпийская победа, «тройные почести» в политической карьере и участь процветающего землевладельца, а также не менее привлекательные занятия купца-судовладельца, бездельника, солдата и охотника. Все эти варианты самоутверждения изображены в превосходной степени (если победа в спорте – то олимпийская, если земледелие, то на самых плодородных полях – Ливийских и т.д.). Воссоздается образ современного Горацию социального мира как пространства, в котором разворачивается все многообразие изображенных ценностных стратегий. И только в этом контексте утверждается истинная цель

¹ Подробнее анализ этого стихотворения см. в статье Автор. Своеобразие рецепции оды Горация (II, 20) в стихотворении С. Завьялова *Ultimi Geloni* [4].

² Этот прием использовался Горацием достаточно часто, а также известен еще в древнегреческой мелике (например, у Сапфо и Пиндара), хотя термин относится к XX в.

сюжета стихотворения: призвание самого лирического я – лирическая поэзия, мелика, превращающая лирического субъекта в органическую часть бытия.

Об этом в знаменитом сборнике од говорится неоднократно, в частности в первом и последнем стихотворениях сборника. В этой оде Гораций называет себя пророком (*vates*), который непосредственно общается с музами. Лирического героя объединяет с богами и отделяет от других людей именно его поэтическое призвание: «Меня же соединяет (досл.: смешивает) с верховными богами плющ, награда ученых людей (досл.: лбов), прохладные же рощи и легкие хороводы с нимфами и сатирами отделяют меня от толпы (досл.: народа), если только Евтерпа не спрячет моей флейты и Полигимния не откажется настроить для меня Лесбосскую лиру (досл.: протянуть мне лесбосскую лиру)» [6].

Этот пассаж очерчивает круг поэтических амбиций Горация: он продолжает традицию лесбосских поэтов, Алкея и Сапфо, считавшихся Горацием высшим образцом поэзии, его оды разнообразны по темам, поэтому упоминаются два главных лирических музыкальных инструмента, а также разные музы: Евтерпа и Полигимния. В других стихотворениях сборника лирический субъект обращается и к другим музам. Например, в последнем – к Мельпомене и т.д.

Отбор С.А. Завьяловым фрагмента оды в качестве эпитафии задает модус отношения как к оде Горация, так и к современному миру: из всей полноты мира и возможных самореализаций человека остается только поэзия, причем представления о поэзии максимально сужаются, становятся по сравнению со стихотворением Горация сдержаннее, скромнее: в эпитафию попадают только Полигимния и лесбосский барбит. При этом если у Горация эта фраза – часть протасиса условного периода: «если Полигимния не откажется...», то в эпитафии С.А. Завьялова, хотя и предполагается знание оды Горация реципиентом и, значит, памяти об этом условном периоде, но предложение становится независимым и приобретает модус констатации факта: «Полигимния не откажется...».

Стихотворение «Статуя в парке» – это монолог лирического героя, который только постепенно проявляет для читателя адресата оды: в первой строфе это статуя, во второй – уточняется, что статуя изображает Музу, и в заключительной, третьей строфе называется имя музы, причем сначала – негативное определение: кем эта муза не была – «ни Эрато, ни Мельпомена», и, наконец, называется имя Полигимнии, музы торжественных гимнов, только в финале стихотворения становится понятным отбор фрагмента из оды Горация. Именно статуя Полигимнии является адресатом лирического «я». Образ Полигимнии предельно визуализируется, конкретизируется. Это осязаемая статуя, а не абстрактный образ.

Детали описания статуи (поза, материал), а также соседство статуй Эрато и Мельпомены позволяют определить локализацию художественного пространства – это Павловский парк, а лирический субъект обращается к конкретной статуе Полигимнии.

Лирический сюжет стихотворения – встреча с музой, но встреча эта особая: поэту у С.А. Завьялова не дано, как герою Горация, право непосредственного общения с музами, место встречи с музой – не пространство, отделенное от человеческого мира, не «прохладные рощи», населенные богами, а парк, в котором человек создал себе подобия богов: он общается с Полигимнией опосредованно – через статую.

Визуальный образ становится точкой отсчета размышлений лирического героя – решительный, царственный взмах плаща Полигимнии рождает размышления над состоянием современной русской поэзии и природой вдохновения самого лирического «я» и завершает монолог.

Именно Полигимния, по мысли лирического героя стихотворения, соответствует топосу России: «гайге», «разливу северных рек», «гиперборейскому низкому серому небу». Образ Полигимнии своей монументальностью, серьезностью, царственностью оказывается близок гиперборейскому миру. Эрато и Мельпомена не соответствуют самоощущению лирического «я», они принадлежат миру, где прохлада – избавление от зноя, а не пронизывающий холод.

Полигимния лишена голоса – муза не издает ни звука, но ее медь «певчая», прикосновение к ней приобщает лирическое «я» к поэзии, дает надежду на возможность вдохновения: лирический герой молит музу: «...тяжким размером размером медленных северных рек пусть изольется суровая ода» [2]. И сама эта мольба изливается суровой одой, или гимном. Оба жанровых определения включены в монолог героя, что свидетельствует о понимании им необходимости учитывать сложную историю трансформации жанра оды от греческой архаической мелики через классицистическую эстетику и поэтику до современной поэзии.

Такой подход объясняет внимание С.А. Завьялова к визуальному в поэзии (песня застывает, как и муза, ее вдохновляющая), о чем свидетельствуют особенности графической организации стихотворений С.А. Завьялова в сборнике «Мелика», наличие просодии на полях и т.д.

Обращение к Горацию – это попытка найти основание поэзии в современной реальности, а также осмыслить традицию, «голос» римского поэта, который в определенном смысле был в похожей позиции по отношению к поэтическим предшественникам, что и С.А. Завьялов: для Горация это были, прежде всего, эолийские мелические поэты.

Но традиция ко времени С.А. Завьялова «утолщилась», «уплотнилась», что ставит поэта в особое положение: он должен овладеть всей этой «толщей» (быть образованным, как он настаивает в нехудожественных текстах), и при этом важна незамутненная, непосредственная, живая связь с изначальной песней, с источником вдохновения, который был полнокровным и неиссякающим во времена греческой мелики и даже во времена Горация.

Таким образом, в стихотворении «Статуя в парке» обращение к традиции становится самостоятельным сюжетом С.А. Завьялова. Лирический субъект поэта в ситуации социальной и гуманитарной катастрофы обращается к

классическим образцам мировой поэзии, подвергая их поэтической рефлексии. Ода у С.А. Завьялова – это и восхваление музыки, и мольба к ней о возможности песни, это и сама песня, но застывшая, как бы заледеневшая в новом мире, враждебном поэзии.

Размышления о поэзии, ее природе в современном мире, а также о связи с традицией продолжается в стихотворении «Ἐπίλογος» («Эпилог»). В паратексте С.А. Завьялов обращается к древнегреческому языку, подчеркивая ориентацию на древнегреческую поэзию, возвращаясь к истокам мелической поэзии. Ἐπίλογος означает «заключение, вывод», а также как риторический термин «заключительная часть речи, эпилог» и «пояснительное добавление, пояснение» [7. С. 621].

Стихотворение, которое завершает цикл «Эпиграфы» и выступает, таким образом, эпилогом ко всему циклу, является своеобразным продолжением «Статуи в парке», завязка лирической ситуации организована цитатой из оды Горация «К Мecenату» (Ног. Carm. I 1), которую С.А. Завьялов цитировал в предыдущем стихотворении: но теперь отсылки к ней находятся и в эпиграфе, и в тексте стихотворения. Эпиграфом является слово *idem* («то же самое»), которое дублирует эпиграф «Статуи в парке».

Еще один важный элемент паратекста в этом стихотворении – подзаголовок «*versus liberi*». Выбор латинского термина создает множественность или вариативность семантики паратекста, который включается «в формирование смыслопорождения и смыслооценки» [8. С. 119]: при всей очевидности ассоциации с верлибром, здесь может подразумеваться и понятие «свободный стих», которое в русской традиции к концу XX в. перестает быть абсолютным синонимом к термину «верлибр» и вызывает много споров [9]. Кроме того, множественное число и латинская, а не русская лексика заставляют предположить, что под «свободными стихами» имеется в виду не только, а может быть, и не столько ритм и просодия.

Цитата из Горация как завязка лирического сюжета необходима содержательно, поскольку сам сюжет связан с рефлексией над процессом создания стихотворения, который предстает как единство воображения и поэтического языка, сознательного и бессознательного, онтологического и экзистенциального. Своеобразными героями (актантами) этого процесса становятся Полигимния (метафизический источник вдохновения), стопы, клаузулы, лад (ритмический рисунок и поэтический язык), Юпитер (онтологический закон), сознание лирического субъекта, большой текст культуры.

Источником вдохновения являются надличные, метафизические силы: «...Полигимния меня настраивает как лесбосский барбитон». В первом стихе трансформируется цитата из оды Горация, начатая в стихотворении «Статуя в парке». Действия Полигимнии изображаются как происходящий в настоящий момент процесс, а не будущий, как в эпиграфе к этому и предыдущему стихотворению, и, кроме того, она настраивает не барбит, а самого лирического героя, как барбит. Поэт рассматривается как инструмент, который воспроизводит смыслы, существующие объективно, вне его сознания, но не способные иначе быть высказанными, чем через сознание поэта.

Вторым актантом процесса создания стиха становятся законы поэтического языка и ритмического рисунка: «стопы выстраиваются в нечто напоминающее эммелейю», «в который раз выстраиваются одни и те же клаузулы / тривиальные и завораживающие своей повторяемостью», «видимо барбитон настроился на дорийский лад / видимо дохмий прослушивается в шатких славянских логоэдах» [2].

Понятия «эммелейя» и «дохмий» выделены курсивом. Термин эммелейя (от греч. ἐμμέλεια ‘слаженность, стройность, гармония’) обозначает плавный, степенный, медленный танец в древнегреческой трагедии [10. С. 98], а дохмий – название пятистопной составной стопы в греческой метрике. Дохмические строфы использовались в драматической поэзии и были знаком взволнованности, наивысшего напряжения. Стихотворение, по мысли лирического субъекта, становится величественным, гармоничным «танцем» стоп, который подчиняется своим законам внутренней гармонии.

Субъектом творческого акта становится и сам лирический герой, точнее, его желания, воображение, речь, дыхание. Поэзия, процесс творчества становятся равносильны акту жизни, жить для него – значит творить, о чем дополнительно сигнализирует тип инструмента (барбит), требующий большого объема воздуха (лирический герой не музыкант, а сам инструмент), поскольку издает низкий глубокий звук и удвоенная репрезентация задаваемого темпа (медленно). Лирический субъект изображен как бы на вдохе, «что мешает сказать». Но выдох (пауза, отсутствие знаков препинания) свидетельствует, что «не прекращается дыхание / вот и пульсирует еще одна ода...» [2].

Лирический субъект, используя реминисценции оды Горация «К Венере» (Hor. Carm. I 4), не включает в свой поэтический кругозор («воображение») анакреонтические гедонистические мотивы радости жизни, пира, наслаждения любовью, о чем свидетельствует отрицание: «И все-таки сегодня не желанны багряные дары Диониса / и ноги юных петрополитанок не тревожат воображения» [2]. Это не единственная у С.А. Завьялова отсылка к последней книге од Горация, в которой он неоднократно рассуждает о близости старости.

Источником настроения и состояния героя выступает онтологический закон бытия, который, таким образом, также оказывается причастным к созданию стихотворения: «Снова Юпитер напомнил о законе своем / и такое редкое на севере лето прорывается его потоками». В этом стихе узнаваемы реминисценции разных од Горация, в которых Юпитер отождествляется с неумолимым и непознаваемым законом мироздания, например, «*seu pluris hiemes seu tribuit Iuppiter ultimam*» (Hor. Carm. I 11) [5. P. 13] «или много зим дал Юпитер, или последнюю», «*informis hiemes reducit / Iuppiter, idem / submovet...*» (Hor. Carm. II 10) [5. P. 51] «ужасную зиму вновь приводит Юпитер, он же заставляет отступить» и др.

Наконец, своеобразным «субъектом» творческого акта является большой текст культуры, который «предсказывает» создание произведения и управ-

ляет его содержанием и в котором неизбежны повторения, имманентно присущие культуре, но не отменяющие истинность чувств индивида (любви, боли, отчаяния), проживающего свою единственную жизнь: «Все будет так как и было предсказано тибуртинским дачником / любовники расстанутся казалось так прилепившиеся друг к другу / колесо Фортуны все будет отсчитывать свои обороты / и герой в конце концов будет убит похоже на войне».

Именно Гораций и его оды оказываются важной частью этого текста культуры. Сам поэт назван тибуртинским дачником¹, темы, перечисленные в последних четырех строках стихотворения С.А. Завьялова, и их интерпретация также отсылают к разным одам Горация. Так, неизбежное расставание любовников – к оде I, 5 и др., неумолимость оборотов колеса Фортуны – к одам I, 35 (обращенной к Фортуне), III, 10: «*ne currente retro funis eat rota*» (Hor. Carm. III 10) [5. P. 82] и др.

Таким образом, в цикле «Эпиграфы» цитаты из од Горация, смыслы которых вплетены в семантический рисунок од С.А. Завьялова, выполняют разнообразные функции. В стихотворении «Статуя в парке» лирическая ситуация организована как встреча современного поэта с музой в ситуации кризиса классической культуры. Эпиграф из Горация воплощает авторскую мысль о потенциальной возможности высокого искусства в мире, враждебном поэзии, при возвращении к смыслам первоисточников. В стихотворении «*Ἐπίλογος*» («Эпилог») цитата из Горация становится завязкой лирического сюжета и необходима как обращение к авторитетному собеседнику в процессе рефлексии акта творчества. Герои этого сюжета – онтологические и метафизические силы (Юпитер, Полигимния, поэтический язык, большой текст культуры). Цитирование становится для сознания лирического я способом включения традиции в контекст современности и предстает как акт признания бессмертия поэзии как формы собственно человеческого существования.

Список источников

1. *Квинт Гораций Флакк*. Римские оды 1–6. Вступление, перевод и комментарии Сергея Завьялова // Новый мир. 2023. № 6. URL: <https://nm1925.ru/articles/2023/06-2023/rimskie-ody-iii-1-6/> (дата обращения: 15.05.2024).

2. *Завьялов С.А.* Мелика. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Серия «Премия Андрея Белого» // Вавилон: Современная русская литература. URL: <https://www.vavilon.ru/texts/prim/zavyalov2-1.html#8> (дата обращения: 15.05.2024).

¹ Одно из загородных поместий Горация, упоминаемых также Светонием, находилось в популярном при Августе месте для вилл в Италии – в окрестностях Тибура. В одах и посланиях Гораций неоднократно называет любимые места отдыха – «окрестности Тарента, окрестности своего поместья в Сабинах, районы Тибура и Бай» [11]. Например, в оде III 4, 21–24: «*vester, Camenae, vester in arduos / tollor Sabinos, seu mihi frigidum / Praeneste seu Tibur supinum / seu liquidae placuere Baiae*». «Я ваш, Камены, ваш, поднимусь ли я / к сабинам в горы, или пленит меня / прелести холод, влажный Тибур / или потоки в прозрачных Байях» [11].

3. Орлицкий Ю.Б. Три кита Сергея Завьялова. Опыт беспристрастного описания в сопровождении реплик изучаемого автора // Новое литературное обозрение. 2008. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/6/tri-kita-sergeya-zavyalova.html> (дата обращения: 5.05.2024).
4. Автор. Своеобразие рецепции оды Горация (II, 20) в стихотворении С. Завьялова «Ultimi Geloni», 2023 // Язык и культура : сб. ст. XXXIII Междунар. науч. конф. (16–17 ноября 2023 г.) / отв. ред. С.К. Гураль. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2024. С. 100–102.
5. Q. Horatius Flaccus: Opera, ed. Fridericus Klingner. Leipzig, 1970. 378 p.
6. Квинт-Флакк Гораций. Избранные стихотворения Горация. Оды и эподы. По изданию Манштейна. Перевод прозой с полным словарём, комментариями и подробным синтаксическим разбором. Сост. М. Гринфельд. Одесса: М.С. Козман, 1910. 208 с. // Квинт Гораций Флакк: Переводы и материалы. URL: <https://www.horatius.net/ru/index.xps?5.101> (дата обращения: 25.01.2025).
7. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: Около 70 000 слов (в 2-х томах) / сост. И.Х. Дворецкий; под ред. чл.-кор. Акад. наук СССР проф. С.И. Соболевского; с прил. грамматики, сост. С.И. Соболевским. М. : ГИС, 1958. Т. 1. 1043 с.
8. Суханов В.А. Текст и культура: функции «вторичных» текстов в русской прозе 1970 – начала 2000-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 118–129.
9. Орлицкий Ю.Б. Русский верлибр: мифы и мнения // Арион. 1995. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/arion/1995/3/russkij-verlibr-mify-i-mneniya.html> (дата обращения: 30.01.2025).
10. Вашкевич Н. История хореографии всех веков и народов История хореографии всех веков и народов. СПб. : Лань; ПЛАНЕТА МУЗЫКИ, 2009. 192 с.
11. Север Г.М. Жизнь Горация по его текстам // Квинт Гораций Флакк: Переводы и материалы. URL: <https://www.horatius.net/ru/index.xps?10.1.39> (дата обращения: 25.01.2025).

References

1. Zav'yalov, S.A. (2023) Kvint Goratsiy Flakk. Rimskie ody 1–6. Vstuplenie, perevod i kommentarii Sergeya Zav'yalova [Quintus Horatius Flaccus. Roman Odes 1–6. Introduction, Translation and Commentary by Sergey Zavyalov]. *Novyi mir*. 6. [Online] Available from: <https://nm1925.ru/articles/2023/06-2023/rimskie-ody-iii-1-6/> (Accessed: 15.05.2024).
2. Zav'yalov, S.A. (2003) *Melika* [Melic Poetry]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [Online] Available from: <https://www.vavilon.ru/texts/prim/zavyalov2-1.html#8> (Accessed: 15.05.2024).
3. Orlitskiy, Yu.B. (2008) Tri kita Sergeya Zav'yalova. Opyt bespristrastnogo opisaniya v soprovozhdenii replik izuchaemogo avtora [Three whales of Sergey Zavyalov. An attempt at impartial description accompanied by remarks from the studied author]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 6. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/6/tri-kita-sergeya-zavyalova.html> (Accessed: 5.05.2024).
4. Sukhanova, S.Yu. (2024) [Peculiarities of reception of Horace's Ode (II, 20) in Sergey Zavyalov's poem "Ultimi Geloni"]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Proceedings of the 33rd International Conference. Tomsk. 16–17 November 2023. Tomsk: Tomsk State University. pp. 100–102. (In Russian).
5. Klingner, F. (ed.) (1970) *Q. Horatius Flaccus: Opera*. Leipzig: [s.n.].
6. Grinfel'd. M. (ed.). (1910) *Izbrannye stikhotvoreniya Goratsiya. Ody i epody. Po izdaniyu Manshteyna. Perevod prozoy s polnym slovarem, kommentariyami i podrobnym sintaksicheskim razborom* [Selected Poems of Horace. Odes and Epodes. Based on Manshtein's Edition. Prose Translation with Complete Dictionary, Commentary and Detailed Syntactic Analysis]. Odessa: M.S. Kozman, 1910. 208 p.]. [Online] Available from:

<https://www.horatius.net/ru/index.xps?5.101> (Accessed: 25.01.2025).

7. Dvoretzky, I.Kh. (ed.) (1958) *Drevnegrechesko-russkiy slovar': Okolo 70000 slov* [Ancient Greek-Russian Dictionary: About 70,000 Words]. Vol. 1. Moscow: GIS.

8. Sukhanov, V.A. (2019) Text and culture: functions of "secondary" texts in Russian prose of 1970s-beginning of 2000s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 36. pp. 118–129. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/36/11

9. Orbitskiy, Yu.B. (1995) Russkiy verlibr: mify i mneniya [Russian vers libre: myths and opinions]. *Arion*. 3. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/arion/1995/3/russkiy-verlibr-mify-i-mneniya.html> (Accessed: 30.01.2025).

10. Vashkevich, N. (2009) *Istoriya khoreografii vseh vekov i narodov* [History of Choreography of All Ages and Peoples]. Saint Petersburg: Lan'; PLANETA MUZYKI.

11. Sever, G.M. (2025) Zhizn' Goratsiya po ego tekstam [Life of Horace according to his texts]. *Kvint Goratsii Flakk: Perevody i materialy* [Quintus Horatius Flaccus: Translations and Materials]. [Online] Available from: <https://www.horatius.net/ru/index.xps?10.1.39> (Accessed: 25.01.2025).

Информация об авторах:

Суханова С.Ю. – канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской и классической филологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: suhanova_sofya@mail.ru

Негрей М.В. – аспирант кафедры истории русской литературы XX–XXI вв. и литературного творчества Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: margarita.negrey@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.Yu. Sukhanova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: suhanova_sofya@mail.ru

M.V. Negrey, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: margarita.negrey@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.03.2025;
одобрена после рецензирования 29.03.2025; принята к публикации 05.12.2025.*

*The article was submitted 07.03.2025;
approved after reviewing 29.03.2025; accepted for publication 05.12.2025.*